

Глеб Иванович Успенский

Книжка чеков

Новые времена, новые заботы

Глеб Успенский

Книжка чеков

«Public Domain»

1873

Успенский Г. И.

Книжка чеков / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1873 — (Новые времена, новые заботы)

«Рассказ «Книжка чеков» принадлежит к числу наиболее выдающихся произведений демократической литературы 70-х годов. Он стоит в одном ряду с теми произведениями Некрасова и Щедрина, в которых реалистически изображено тяжелое положение русской деревни и развитие капитализма в первые десятилетия после реформы. Успенскому удалось дать в рассказе ряд больших социальных обобщений: таковы история «распоясовцев», обобранных помещиком после «освобождения», образ предприимчивого купца Ивана Кузьмича с его магической «книжкой чеков» и формулой «человек-полтина», закабаляющего разоренных помещиком крестьян. ...В основу рассказа Успенский положил реальные факты. ...»

© Успенский Г. И., 1873

© Public Domain, 1873

Содержание

I	5
II	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Глеб Иванович Успенский

Книжка чеков

(Эпизод из жизни недоимщиков)

I

Иван Кузьмич Мясников, купец и фабрикант, покончив дела, за которыми нарочно приехал в губернский город, возвратился в грязноватый номер грязноватой гостиницы, приказал запрягать лошадей и стал собираться в дорогу.

– Что ж, Иван Кузьмич, мало погостили у нас? – помогая уложить весьма небольшое количество вещей отъезжавшего, говорил трактирный слуга. – Право, совсем и не погуляли в городе-то...

– Нагуляюсь потом. – Слава богу, хоть отделался!

– Всё ли благополучно покончили?

– Все!.. хорошо! На-ко вот погляди эту штучку.

Мясников вынул из-под жилета и подал коридорному какую-то маленькую книжку, которую тот с недоумением взял в руки и долго с тем же недоумением смотрел на нее.

– Это что же будет? – спросил, наконец, коридорный.

– А это, друг любезный, – с довольным и веселым лицом проговорил Мясников, – эта штучка стоит пятнадцать тысяч рубликов! Вот что это такое!

– Этакая муха? Пятнадцать тысяч?..

– Да-да, муха, пятнадцать тысяч... Как ты думаешь? Что?

– Да тут все бумага... все одно, как книжка... Тут денег-то нет нисколько...

– То-то вот и хорошо!.. Поди-ко узнай, что это – деньги!.. Чистая бумага, а пятнадцать тысяч в ней весу!.. Называется – чек!

При этом слове лакей повернул перед собою книжку, поглядел на нее с другого бока и уставил ничего не понимающие глаза на купца.

– Это видишь что... Сейчас ты отодрал лоскут и получай деньги!.. – пробовал было объяснить Мясников, но так как и при этом коридорный ровно ничего не понял, то хозяин книжки чеков должен был начать рассказывать ему банковые дела со всеми подробностями. Нельзя сказать, чтобы изложение этих дел, продолжавшееся довольно долго, уяснило коридорному значение книжонки, которую он не переставал держать в своих руках, по временам останавливая на ней внимательный взгляд, тем не менее, когда речь купца была, наконец, кончена, коридорный вздохнул и в каком-то раздумье произнес:

– Да-да!.. Мала-мала штучка, а какую прорву денег вобрала!

Это выражение очень понравилось хозяину книжки.

– Питательная книжка, точно! Именно что впитала!

– Пятнадцать тысяч! – продолжал коридорный: – ведь это в старые годы деревня, да сколько душ крестьян, да лесу... И этакая-то муха слопала!

Слуга замотал головою в знак полного недоумения и отдал книжку купцу, который, продолжая быть вполне довольным, спрятал ее опять под жилет,

– Грехи-грехи! – почему-то пришло коридорному в голову.

Разговор был прерван появлением кучера, который доложил, что все готово.

II

Через час тележка, в которой, закутавшись в мерлушечью шубу (на случай ночных осенних заморозков), сидел Мясников, ехала далеко за городом по проселочной дороге. Иван Кузьмич дремал, болтая головой справа налево и спереди назад. По временам он шарил у себя на груди под шубой, желая удостовериться, тут ли книжка, и всякий раз, когда рука ощупывала ее, ему почему-то тотчас же припоминалось выражение трактирного слуги: «вобрала»; это слово оживляло его и заставляло невольно припоминать, что именно она вобрала в себя. Но чем яснее представлялись ему составные части этих тысяч и этой книжонки, которая так искусно всосала их, тем менее хотелось спать и становилось как-то скучнее.

Однажды Иван Кузьмич даже вздохнул

Отчего это? Неужто книжонка «вобрала» в самом деле уж очень много? С другой стороны, неужели в самом деле Иваном Кузьмичом положено в эту книжку так много труда, что мысль об этом труде, явившаяся вслед за вздохом, совершенно успокоила его, до того успокоила, что он уже не вздыхал больше ни разу, а скоро и совсем заснул?

Необходимо обстоятельнее познакомиться с Иваном Кузьмичом и его деятельностью, чтобы ответить на все вопросы, толпящиеся вокруг книжки чеков.

Иван Кузьмич, как уже сказано, принадлежит к купеческому званию, хотя ровно ничего не имеет общего с тем типом «купца», к которому привык читатель, которого он видел и в лавке и на сцене. Между Иваном Кузьмичом и «купцом» старого типа ни в фигуре, ни во взглядах, ни в манере деятельности – нет никакого сходства.

Старомодный купец, как скажет всякий, кто имел с ним дело, жил обманом, богатство приходило к нему темными путями, и слова «темный богач» так же справедливы по отношению к старомодному купцу, как поговорка: «не обманешь – не продашь» – справедлива относительно его деятельности. В нем все было обман. Женился он обыкновенно не на женщине, а на сундуке, но притворялся, что он – семейный человек и живет в страхе божием, зная, что все в его семье точно так же притворяются и лгут, как и он сам. Обходительность и ловкость, которыми он щеголял перед покупателем, пришедшим к нему в лавку, были не более как средством «отвести» покупателю глаза, «заговорить зубы» и всучить тем временем гнилое, линючее или спустить против настоящей меры на вершок, а то и на целый аршин, если удастся... Так думали про старинного купца все, да так думал и он сам, потому что, хоть иной раз он и наживал большие капиталы, хоть иной раз и ловко удавалось ему «обойти» покупателя, – в глубине души он чувствовал, что дело его «не чисто», что каждую минуту его могут уличить и поступить на законном основании, да и на том свете, пожалуй, будет не очень хорошо. Вот почему старомодный купец считал своею глубокою обязанностью радеть ко храму божью, заглушать голос совести стопудовым колоколом или пудовой свечкой местному образу, с которою он обыкновенно, пыхтя и обливаясь потом, пробирался посреди толпы, наполнявшей храм, толкая публику направо и налево. Жертвы храму божьему успокаивали его душу, сознававшую, что она не очень чиста, но едва ли они могли успокоить его насчет неумолимого закона, которому нельзя ставить никаких свечек, который не нуждается в колокольном звоне. И действительно, закон, начиная будочником и кончая губернатором, постоянно стоял над старомодным купцом в самом угрожающем виде. Купец был дойною коровою всех, кто представлял собою какую-нибудь власть. Он давал взятки, подносил хлеб-соль, жертвовал, подписывал на альбом видов, который общество задумало поднести значительному лицу, проезжавшему из столицы, делал иллюминации «в честь»... участвовал карманом в каком-то аллегри¹ «в пользу» и т. д., не говоря о том, что пирог с приличной закуской – причем всегда должна быть отличнейшая икра

¹ Аллегри – лотерея, устраиваемая в общественных собраниях и разыгрываемая тотчас по покупке билета.

и редкостнейшая рыба (две вещи, неразрывно связанные с словом «купец», как неразрывно связана с этим же словом «лисыя шуба» и возглас: «кипяточку!») – этот пирог не сходил у него со стола для званных и незванных. Квартальный, городничий, частный пристав, брандмейстер, судейский крючок, ходатай и т. д. – все это шло к нему в дом, в лавку и брало деньги, ело икру, рыбу, пило водку, постоянно грозило и требовало благодарности за снисхождение. Старомодный купец всем платил, всех кормил, чувствуя себя виновным, и только миновав все эти препоны, то есть накормив, оделив всех, мог завтра опять «заговаривать зубы» и «отводить глаза». Недаром стародавний купец одевался в лисий мех: нечто лисье было во всей его деятельности, а травля, гораздо более оживленная и деятельная, чем бывает травля на настоящую лисицу, преследовала старомодного купца изо дня в день, из года в год. И вот, нагавшись вдоволь, напотевшись за чаем и из страха наказания за свои плутни, этот лиса-человек кончал тем, что под конец жизни прятал свои деньжонки, скопленные обманом и криводушием, в сундук и, чтобы спокойно дожить остаток дней, должен был притворяться нищим, уверять всех и каждого, что у него за душой нет копейки, а в доказательство справедливости этих слов – питался одной только редькой.

Ничего общего с этого рода типом Иван Кузьмич Мясников не имеет; в физиономии его нет ни той слащавости, которая замечалась у прежнего купца в моменты спуска аршина на четверть против настоящей меры, ни страха, являвшегося при появлении квартального. Напротив, физиономия Ивана Кузьмича – физиономия смелая, уверенная, и эту открытую смелость Иван Кузьмич не прячет даже в бороду, потому что «по нонешнему времени» он эту бороду бреет. Такая существенная разница между старым и новым представителем капитала объясняется тем, что старый тип считал свое дело в глубине души «не совсем чтобы по-божески», а новый, напротив, ничуть не сомневается в том, что его дело – настоящее и что отечество даже обязано ему благодарностью за то, что он жертвует своим капиталом на общую пользу, и хотя действует из личных выгод, но зато дает другим хлеб, оживляет «мертвые местности» и капиталы, как пишут в газетах (с которыми Иван Кузьмич частью знаком), капиталы, которые, по словам газет и по убеждению Ивана Кузьмича, бог знает сколько времени лежали бы без движения, если бы он, Мясников, не приложил к ним своих рук. В этом убеждении Ивана Кузьмича укрепляет общественное мнение, мнение печати и та действительная нищета, среди которой его капиталы, его хлеб – действительно благодеяние. Вот почему взгляд его прям и прост, вот почему ему нет надобности ни вилить, ни бояться: он действует на законном основании. И нет поэтому Ивану Кузьмичу никакой надобности тащить к местному образу пудовую золоченую свечку, чтобы тем успокоить свою совесть, – совесть эта покойна, потому что Иван Кузьмич «дает просто оборот своим капиталам», а это не запрещено, и в писании ничего грозного на этот счет не сказано. Вот почему и причт того прихода, к которому принадлежит Иван Кузьмич, уж и не ждет от него никакого финансового поощрения, раз навсегда решив, что тут много «не пообедаешь», «не разъесться». Действуя на законном основании, Иван Кузьмич совершенно покоен и с этой стороны, зная наверное, что его никто не посмеет тронуть: на все у него есть патенты; везде заплачено что следует; без заискивания, без страха, не с заднего крыльца, не тайком в темном углу сунуто, «дадено» в руку, а прямо «заплачено» «что вам следует», и благодаря этому начальство не только не может принять относительно его той угрожающей позы, в которой оно постоянно фигурировало пред купцом старого типа, но по примеру духовенства знает, что тут «больше не ухватишь», и держит себя в почтительном от Ивана Кузьмича отдалении. Словом, сознание, что капитал – сила, что прятать его в сундук – глупость, что делать на этот капитал оборот, что покупать и продавать можно решительно все, что продается и покупается, что получение барыша тоже вполне разрешено и допущено, – все это проводит резкую границу между старомодным купцом и купцом нового типа и делает последнего спокойным, уверенным и не боящимся ничего ни здесь, ни там.

И вот, вместо того чтобы по старому обычаю, отправляясь в дорогу по делам, отслужить с водосвятием напутственный молебен, как это делал прежний купец, когда ехал за гнилым товаром в Москву; вместо того чтобы дать окропить себе лицо и окропить внутренность кибитки и даже внутренность шапки ямщика, Иван Кузьмич, в качестве «нового типа», кладет в карман шестиствольный, заряженный шестью пулями револьвер и совершенно спокойно отправляется «оживлять» мертвые места и капиталы, отправляется в глубину русской глуши, где этих капиталов везде лежат непочатые углы, совершенно недоступные для купца старого закала.

И, словно сказочный богатырь, наделенный непомерною силою денег, Иван Кузьмич начинает буквально двигать горами. Прикоснется он с своими капиталами к дремучему темному бору, грозно шумевшему тучам и грозам: «вороти назад, держи около»², и с материнской заботливостью дававшему приют тысячам зверей и птиц, и – глядишь, в две-три недели после появления в этом лесу Ивана Кузьмича – лес исчез, и уж больше нет этого дремучего богатыря! Разбежался зверь; с шумом, карканьем и плачем разлетелись птицы, и остались одни бревна, кое-где придавившие зайца, спасавшегося бегством, поленицы дров, брусья. А скоро и это исчезнет отсюда, и останется голое, изрытое место да деньги в кармане Ивана Кузьмича, какие-то разноцветные маленькие бумажки, которые тотчас вновь идут в дело, и – глядишь, где-нибудь в другом глухом уголке идет стон и рев, и рекою льется кровь быков, свиней и овец... Стадо превращается в мясо, в солонину, в сало, в шкуры, в пуды, в фунты – и все это скоро исчезает, уезжает на скрипучих возах, оставив после себя пустое пастбище да бумажки разноцветные в кармане Ивана Кузьмича, тотчас идущие на какое-нибудь новое дело... Но какого бы рода дело это ни было, всегда что-то очень похожее на опустошение, на исчезание, на смерть чего-то, что было и чего не стало, остается по приведении этого дела к окончанию. Надо отдать справедливость твердости характера и нервов Ивана Кузьмича; он никогда почти не испытывал этого ощущения смерти – ни тогда, когда, треща и крича испуганными птицами и не хотевшими сдаваться топору стволами, падали тысячи деревьев, ни тогда, когда под ножом умирали тысячи быков, тысячи рыб, ни тогда, когда тысячи других тварей, оставленных живыми, с ревом, хрюканьем или беспомощным блеяньем, битком набитые в вагоны, крепко-накрепко запертые, увозились на убой неведомо куда. Все это было для него: триста двадцать пять сажен дров, пятьсот пудов сала и столько-то голов скота. Покончив со всеми этими еще недавно живыми саженьями и пудами, он чувствовал только усталость, утомление и убеждался, что деньги достаются не даром, что труда он кладет в них много и что прозвища «благодетель», «кормилец», которые иной раз приходилось Ивану Кузьмичу слышать в оживляемых им глухих местах, «пожалуй что» и справедливые прозвища.

И в самом деле, как в сущности ни проста система оборотов капитала, которой придерживается Иван Кузьмич, как ни прост прием обогащения, основанный на том, чтобы в корень извести все, что произвели природа или чужие руки, как ни просто, проглотивши этот многолетний труд природы и человека, положить потом себе в карман чистые деньги, но условия жизни глухих мест бывают иной раз таковы, что и такая система действия, такая голая купля готового добра, такое бесследное уничтожение естественных и трудовых богатств могут, поистине, считаться благодеяниями, а Иван Кузьмич – действительным благодетелем...

² «Вороти назад, держи около» – из стихотворения А. В. Кольцова «Лес».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.